

You show up in this dark place like a mustard-plaster on a sack of coals [Kipling 1994, с. 38].

Але тебе в цьому місці видно, як жовтий гірчичник на спині вугляра [Кіплінг 1984, с. 28].

You show up in this dark place like a bar of soap in a coal-scuttle [Kipling 1994, с. 38].

Адже тебе в цьому місці видно, як брусок мила у відерці з вугіллями [Кіплінг 1984, с. 28].

І хоча поняття *мило* та *вугілля* є рідними в українській мові, проте вживання цих лексем разом у порівнянні викликає відчуття неприйнятності. Таке порівняння не є емоційно-експресивним в українській мові. Загалом, такі авторські порівняння становлять великі труднощі для перекладача, проте, вдаватися до калькування в такому разі, слід дуже обережно. Адже, в першу чергу потрібно передати саме емоційність та експресивність образу. У даному випадку можливе перетворення авторського порівняння. Можливо, було б доречніше, якби перекладач переклав своїм порівнянням, яке б не лише передало початковий образ, але й було б близьким для української культури. Наприклад: *видно, як червоний мак посеред стени* тощо.

Використання аналога при перекладі характерний для таких порівнянь, образна основа яких відрізняється в англійській і українській мовах. Такий спосіб перекладу продуктивний в тих випадках, коли початковий образ не здатний викликати у читача тих асоціацій, які виникають у англомоного читача, і вимагає заміни з об'єктивних причин.

Отже, ефективність передачі порівняння як інформаційно насиченої одиниці залежить від того, якою мірою переклад зберігає закладену в початковому тексті інформацію: 1) об'єктивну, або наочно-логічну, таку, що відображає певний фрагмент реальної дійсності; 2) експресивну, емоційну і естетичну (здатність порівняння викликати у читача певні відчуття і емоції через яскраву образність, що лежить в основі порівняння), 3) стилістичну (співвіднесення порівняння до того або іншого функціонального стилю або підстилю).

Проаналізувавши переклади прози Редьярда Кіплінга на українську мову, ми дійшли **висновку**, що перекладач в більшості випадків застосовував прийом калькування, в результаті чого деякі порівняння втратили стилістичні характеристики та викликали відчуття чужорідності в тексті реципієнта. Тому, подальшою **перспективою** наукового пошуку в обраному напрямі може стати більш глибоке дослідження особливостей та способів передачі порівнянь на українську мову, що становлять особливі складнощі для перекладача.

Література

- Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры / Н.Ф. Алефиренко // Мир русского слова. – СПб., 2002. – № 2. – С. 69–74. *Бабушкин А.П.*, Перевод художественного произведения как культурная адаптация картины мира / А.П. Бабушкин, М.Т. Жукова // Язык, коммуникация и социальная среда: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 2001. – С. 28–33. *Бельчиков Ю.А.* О культурном коннотативном компоненте лексики [Электронный ресурс] / Ю.А. Бельчиков // Язык: система и функционирование: Сб. науч. тр. – М.: Наука, 1988. – С. 3–5. – Режим доступа: http://teneta.rinet.ru/rus/be/belchikov_ov_oscultnconnot.htm. – Заголовок з екрану. *Брюховская Л.Г.* Язык – как носитель этнокультурных норм / Л.Г. Брюховская // Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте: V Житниковские чтения: Всерос. науч. конф. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2001. – С. 200–203. *Голубовська І.О.* Національно-мовна картина світу в її лексичній іпостасі / І.О. Голубовська // Мовні і концептуальні картини світу. – К.: Пройм-М, 2002. – С. 92–98. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград, Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3–16. *Kipling P.* Мауглі. / Рад'ярд Кіплінг; [пер. з англ. В.Й. Прокопчука та інш.]. – К.: Веселка, 1979. – 272 с. *Kipling P.* Як і чому: Казки. Для мол. шкіл. в. / Рад'ярд Кіплінг; [пер. з англ. Л.Т. Солонька]. – К.: Веселка, 1984. – 128 с. *Крючкова Н.В.* Лингвокультурное варьирование концептов / Н.В. Крючкова. – Саратов: Научная книга, 2005. – 165 с. *Рыженкова А.А.* Авторские преобразования устойчивых сравнений как объект перевода: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови" / А.А. Рыженкова. – С-П., 2009. – 21 с. *Федонькина С.К.* Художественный текст как средство межкультурной коммуникации / С.К. Федонькина, Л.В. Масленникова // Межкультурная коммуникация: Всерос. науч. конф. – Омск: Омск. гос. ун-т. – 2000. – С. 81–85. *Kipling R.* Just So Stories / Rudyard Kipling. – N.Y.: Penguin Books, 1994. – 160 p. *Kipling R.* The Jungle Books / Rudyard Kipling. – N.Y.: Penguin Books, 1994. – 335 p.

ГОРШКОВА К. А., ШЕВЧЕНКО Н. Г.
(Одесский национальный университет)

ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Стаття торкається проблеми інтерпретації іншомовного художнього тексту як засобу межкультурної комунікації. Інтерпретація тексту розглядається як трьохетапний процес, який включає сприйняття тексту, його розуміння та власне інтерпретацію. Неодмінною умовою успішного декодування авторської ідеї в тексті є володіння реципієнтом іноземною мовою, якою написано прототекст, а також фонові знання реалій «чужої» культури.

Ключові слова: *межкультурна комунікація, концепт, інтерпретація, прототекст, фонові знання.*

Горшкова К. А., Шевченко Н. Г. Текст как средство межкультурной коммуникации. Стаття посвящена проблеме интерпретации иноязычного художественного текста как средства межкультурной коммуникации. Интерпретация текста рассматривается как трёхэтапный процесс, включающий восприятие, понимание и собственно интерпретацию. Непременным

условием успешного декодирования авторской идеи в тексте является владение реципиентом иностранным языком, на котором написан прототекст, а также фоновые знания о реалиях «чужой» культуры.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, концепт, интерпретация, прототекст, фоновые знания.

Gorshkova K. A., Shevchenko N. G. Text as a means of cross-cultural communication. The article touches upon the problem of interpreting a foreign text of imaginative writing as a means of cross-cultural communication. Text interpretation is viewed as a three-step process including the perception of the text, its comprehension and interpretation proper. An indispensable condition of a successful decoding of the author's message in the text is the recipient's knowledge of the foreign language, in which the prototext is written as well as background knowledge about the realia of "foreign" culture.

Key words: cross-cultural communication, concept, interpretation, prototext, background knowledge.

Межкультурные связи представляют собой чрезвычайно важную проблему, отражающую тенденции существования человека в современном мире. Межкультурная коммуникация включена в дихотомию основных типов коммуникации – внутрикультурной и межкультурной. Последняя осуществляется на уровне концептов, материализуемых разными языковыми кодами. Проблемам концепта – его структуры, характеристик, разновидностей посвящены многочисленные исследования отечественных и зарубежных лингвистов, таких как Н. Д. Арутюнова, С. А. Аскольдов, Г. Вежбицкая, С. Г. Воркачѳ, С. А. Жаботинская, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. У. Лангакер, М. Минский, Е. А. Селиванова, И. А. Стернин, Ю. С. Степанов, Ч. Филлмор, О. Д. Шмелѳ и многих других.

Несмотря на заметные успехи в этой области, в ней существуют проблемные аспекты. Среди прочих это и реализация межкультурного общения, преградой которому служат различия в «своей» и «чужой» культурах, а также различия в языковых кодах, материализующих один и тот же концепт в разных культурах.

Сегодня в лингвистике серьёзное внимание уделяется специфике текстового концепта, поскольку именно текст является вербальным средством межкультурного общения. Текстовые концепты репрезентируются содержательно-концептуальной информацией – СКИ (И. Р. Гальперин), топиками (Е. С. Кубрякова), тематической сеткой (И. В. Арнольд). Все авторы, занимающиеся проблемами текстового концепта, едины во мнении, что он представляет собой индивидуально-авторскую картину мира. В любом текстовом концепте тем не менее представлено не только индивидуально-авторское видение действительности, но и этническое, и универсальное знание о ней. Е. А. Селиванова отмечает, что в современной лингвистике «положение о частично универсальном и частично национально-специфичном характере концептуализации и языковой репрезентации стало... компромиссным решением» [Селиванова 2000, с. 203].

Универсальные концепты являются «скрепами», обеспечивающими межкультурную коммуникацию, поскольку они представляют и мыслительные, и языковые универсалии.

Этнические концепты, являющиеся творением отдельных народов и репрезентирующие специфическое восприятие ими объективного мира, нередко затрудняют процесс коммуникации между представителями разных культур.

При межкультурной коммуникации неизбежны не только концептуальные искажения, но и искажения, обусловленные языковыми различиями. Триада «этнос – язык – культура» демонстрирует взаимосвязь национальной концептуализации действительности, её вербального воплощения и культуры народа, которая понимается как совокупность достижений человеческого общества. Е. А. Селиванова подчёркивает, что данная триада «должна обязательно приниматься во внимание при ... номинативной организации текста/дискурса как знака» [Селиванова 2000, с. 39].

Таким образом, язык (в нашем случае язык, организованный в текст) является, во-первых, посредником между этносом и его культурой и, во-вторых, посредником между разными этносами и их культурами.

Текст как средство внутри- и межкультурной коммуникации между автором-адресантом и читателем-адресатом стал объектом пристального внимания лингвистической науки на рубеже XX – XXI веков. Именно текст фиксирует «стратегическую программу адресанта, воспринимаемую и интерпретируемую адресатом» [Селиванова 2002, с. 10]. При этом читатель одновременно и потребитель (consumer) и соавтор (producer) текста. Иными словами, не только автор и читатель, но и текст и читатель выступают в качестве собеседников, ведущих друг с другом диалог [Webster 1996, с. 99].

Читающий человек постоянно сталкивается с проблемой более или менее полного осмысления текста, т.е. воссоздания его концепта, будь то текст научный, требующий определённой теоретической подготовки читателя, художественный или публицистический, изобилующий различного рода реалиями, как «своими», так и «чужими». Как «конденсатор культурной памяти» [Лотман 1996, с. 21] текст сохраняет память о предшествующих контекстах – «своих» и «чужих»: наиболее трудными для понимания являются «чужие контексты» – вторгшиеся в текст «обломки иных культур, текстов, цивилизаций» [Воробѳева 2008, с. 31].

Часто такими «обломками», вкраплениями в текст, являются реалии – «моно- и полилексемные единицы, обозначающие предметы, понятия, явления, характерные для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающиеся у других народов» [Томахин 1988, с. 11]. За реалиями закреплён комплекс этнокультурной информации, что находит отражение в этноконцептах.

Смысловые структуры лексических единиц (ЛЕ), актуализирующих один и тот же концепт в разных культурах, не совпадают, поэтому при работе с текстом «чужой» культуры интерпретатор вынужден иметь дело с языковыми знаками, претерпевающими как смысловые потери, так и смысловые добавки, не запрограммированные адресантом. Именно различия в смысловых структурах ЛЕ репрезентируют этнические различия в видении картины мира и вносят нежелательные коррективы в восприятие текста адресатом-носителем языка.

Обеспечить грамотную интерпретацию текста «чужой» культуры может ознакомленность реципиента с той культурой, которую представляет прототекст, т. е. исходный текст, при обязательном наличии у реципиента фоновых знаний о реалиях «чужой» культуры, представленной прототекстом. При декодировании текста «чужой» культуры возможно некоторое искажение его концептуального содержания. Одной из причин, приводящих к подобной асимметрии, являются межкультурные различия. В связи с тем, что концепт текста актуализируется в значительной степени за счёт специфических реалий описываемого культурного социума, часть заложенной в тексте информации может не идентифицироваться адресатом вообще.

Можно привести немало примеров межкультурных несоответствий, которые по незнанию приводят к искажению смысла текста реципиентом при его интерпретации или переводе с одного языка на другой. Проиллюстрируем данный тезис на материале конкретных текстов.

В заглавии басни американского писателя Джеймса Тербера «The Owl who was God» содержится анималистский символ *owl*, хорошо понятный американцу, для которого эта ЛЕ ассоциируется как с универсальными, общечеловеческими концептами «сова – ночная птица», «сова – человек-полуночник», так и с сугубо американскими концептами *owl train* (поезд, идущий в ночное время), *owl car* (ночной трамвай), ни один из которых не зарегистрирован в британском варианте английского языка. Однако, наибольшие различия прослеживаются в этноконцептах АЕ *owl* = глупый [New Webster's Dictionary 1993, с. 717] и ВЕ *owl* = мудрый [Oxford Advanced Dictionary 1995, с. 641]. Разночтения в восприятии образа в двух, хотя и близких, культурах (американской и британской) приводят к незапрограммированному автором результату: уже при прочтении заглавия басни имеет место разрушение читателем-неамериканцем перспективного ожидания и вместо контекстуальной антонимии *silly :: God* реализуется контекстуальная синонимия *wise = God*.

Для представителей других культур непонятной без соответствующих фоновых знаний остаётся реалия *owl = a stupid person*, закреплённая в языковом сознании американца в виде устойчивых словосочетаний: *don't be such a silly owl, as stupid as an owl* [Томахин 1988, с. 44]. У славян, греков, англичан концепт «сова» традиционно ассоциируется с мудростью (ср. *wise as an owl*) [Oxford Advanced Dictionary 1995, с. 641].

Сталкивая в заглавии два контекстуально антонимичных слова *owl* и *God*, автор создает стилистический приём оксюморона, что приводит к юмористическому эффекту, осознание которого невозможно без понимания соотношения между универсальным и этническим, без знания специфики этого этноконцепта. Последняя во многом определяет множественность возможных прочтений текста. Для египтянина, например, знакомого с мифологией своей страны (в египетской системе иероглифов сова символизирует смерть, ночь, холод), очевидным является прогноз «смерть», реализуемый лексемой *owl*, содержащейся в заглавии басни.

Особое место среди разного рода реалий занимают аллюзивные реалии. К таковым мы относим мифологические, библейские, исторические, литературные и т.п. реалии, декодирование смысла которых требует обращения к текстам мифов, библии, художественных литературных произведений, исторических документов и фактов «чужой» культуры.

В романах Дж. Голсуорси «The Man of Property» и «Swan Song» есть упоминание о белом слоне. В первом словосочетании *white elephant* обозначен огромный дом старого Джолиона, ставший для него обузой: *The house was a white elephant*; во втором – цилиндр, купленный Флер своему отцу и вызвавший его недоумение: *White elephant... can't think what made Fleur get me the thing*.

Та же аллюзия на «белых слонов» содержится в рассказе Э. Хемингуэя «Hills Like White Elephants», в котором заглавное словосочетание *white elephant* может быть декодировано лишь при тщательном анализе многочисленных деталей, разбросанных по всему тексту. *White elephant* в значении «обуза» имплицитно ещё не родившегося ребёнка, ответственность за которого не желает взять на себя мужчина, вынуждающий женщину сделать аборт.

И в романах Дж. Голсуорси, и в рассказе Э. Хемингуэя *white elephant* является аллюзией на легенду о короле Сиаме, который, желая разорить неугодного ему придворного, дарил ему священного белого слона, содержание которого было очень дорогостоящим, а избавиться от королевского подарка было невозможно. С тех пор пришедшая в английский язык из этой древней тайландской легенды реалия приобрела значение «дорогая, но ненужная вещь, обуза, от которой тяжело избавиться».

Примером ещё одной аллюзивной реалии может служить использование в романе Дж. Голсуорси «The Man of Property» широко известного, но несколько перефразированного библейского словосочетания *the writing on the wall: In this house of his there was writing on every wall... a mysterious warning that she was not made for him*.

Автор облегчил задачу читателя по декодированию смысла аллюзии, используя в правом контексте существительного *writing* синонимичную ему лексему *warning*, лишь частично эксплицирующую смысл аллюзивной библейской реалии «письмена на стене» - *the writing on the wall*. Акцент сделан на загадочности, непостижимости (*mysterious warning*) предупреждения. Между тем в библейской легенде о падении Вавилонского царства в период царствования Валтасара реалия *the writing on the wall* реализует, наряду со значением «нечто загадочное/непонятное», значение «зловещее предупреждение»: пророк Даниил, сумевший прочесть и объяснить смысл «писания на стене», предсказывает Валтасару его смерть и падение его царства. Как явствует из вышесказанного, аллюзия – это всегда сосуд, наполняемый новым смыслом: Валтасар видел непонятные и **зловещие** письма на стене своего дворца; Сомсу же мерещились **загадочные** письма на **каждой** стене комнаты, предупреждавшие его о том, что Ирэн создана не для него. Метафора *writing* в последнем случае использована в конвергенции с гиперболой *on every wall*, что усиливает перлокутивный эффект. Незнание читателем библейской легенды о Валтасаре приводит к смысловым потерям.

Полное переосмысление аллюзивной литературной реалии, содержащейся в заглавии текста, прослеживается в рассказе У. С. Моэма «The Ant and the Grasshopper». Автор использует аллюзию на известную басню французского автора Лафонтена, которая, в свою очередь, восходит к басне Эзопа. В басне торжествует справедливость: трудолюбивый муравей запасся едой на всю зиму, а легкомысленный кузнечик (в русскоязычной трактовке И. Крылова стрекоза) наказан тем, что голодает. В рассказе У. В. Моэма трудолюбивый, бережливый и порядочный человек, верный муж и любящий отец, Джордж, никак не вознаграждён, а его брат, Том, – лентяй, повеса и транжира, благодаря своему единственному достоинству – личному обаянию – становится владельцем огромного состояния. В рассказе прослеживается энантиосемия – каждое из заглавных слов реализует в тексте антонимичное исходному значению контекстуальное значение: *ant/George* = неудачник; *grasshopper/Tom* = везунчик. Анималистская реалия *ant and grasshopper*, традиционно олицетворяющая торжество справедливости, в контексте рассказа реализует концепт «несправедливость».

Немаловажной является гендерная атрибуция персонажей басни в исходном и вторичном текстах. У Моэма муравей, *ant*, идентифицируется с женским родом: *she gives him her classic answer*, а кузнечик, *grasshopper*, - с мужским: *he goes to the ant*. Кузнечик у Моэма соответствует цикада (*la cigale*) в тексте Лафонтена. Оба персонажа басни обозначены существительными женского рода: *la cigale* (цикада) и *la fourmi* (муравей), что предопределено внутрисистемными особенностями французского языка. В басне И. Крылова лексема «муравей» – существительное мужского рода, а «стрекоза» («цикада» у Лафонтена) – существительное женского рода.

Примечательно, что при вариативности «отрицательного» персонажа (ср. «жук» у Эзопа, «цикада» у Лафонтена, «стрекоза» у Крылова, «кузнечик» у Моэма, «цикада» в украинском переводе басни Эзопа А. Билецкого) неизменным у всех авторов является «положительный» образ муравья, универсально воспринимаемый различными народами как воплощение трудолюбия.

Прослеживаемые в разных культурах различия в ментальных картинах мира репрезентированы как специфическими структурно-семантическими языковыми особенностями, так и индивидуальными предпочтениями авторов текстов.

Приведённые выше иллюстрации показывают, насколько важно знание реалий «чужой» культуры, даже если речь идёт о лексических единицах, ставших достоянием языка-приёмника и зафиксированных в его словарях. Но декодирование реалий усложняется, когда читатель изучает язык культуры, в который «вжился» «чужой» элемент. В данном случае происходит трёхэтапный процесс восприятия реалии: исходный язык/текст → язык/текст-приёмник (1) → язык/текст-приёмник (2). Это, например, имеет место в случае с аллюзивной реалией *white elephant*, пришедшей в английский язык (язык-приёмник (1)) из тайландской легенды (исходный язык/текст) и зафиксированной в значении «обуза», «дорогостоящий, но ненужный подарок» в англоязычных толковых словарях. Но в языке-приёмнике (2) (русском) такая реалия отсутствует, в связи с чем переводчик вынужден объяснить смысл реалии.

Всё это свидетельствует о том, что чем серьёзнее подходит к изучению текста «чужой» культуры читатель, тем глубже и грамотнее восприятие, понимание и интерпретация им данного текста.

В процессе интерпретации «чужого» текста неизбежно возникает концептуальная и смысловая асимметрия. Из этого, однако, не следует делать пессимистического вывода о невозможности корреляции исходного текста «чужой» культуры и вторичного текста при осуществлении межкультурной коммуникации. Компромисс между, с одной стороны, универсальным и, с другой стороны, национально-специфическим характером концептуализации и её языковой репрезентацией обеспечивает осуществление межкультурной коммуникации.

Включенность реалий «чужой» культуры в художественный текст реализует трансконцептные отношения между «чужой» и «своей» культурами; в конечном счёте это приводит к сближению этих культур, что весьма актуально для современного состояния человеческой цивилизации.

Литература

Воробьёва О. П. Образ текста в ментальных репрезентациях: когнитивно-семиотический подход / О. П. Воробьёва // Записки з романо-германської філології. – Вип. 20. – Одеса: Фенікс, 2008. – С. 25 – 31. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с. *Селиванова Е. А.* Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. – Киев: Фитосоциоцентр, 2002. – 336 с. *Селиванова Е. А.* Когнитивная ономазиология. – Киев: Фитосоциоцентр, 2000 / Е. А. Селиванова. – 248 с. *Томахин Г. Д.* Реалии-американизмы. / Г. Д. Томахин. – М.: Высшая школа, 1988. – 240 с. *Webster R.* Studying Literary Theory. Textual Relations. 2nd Ed. / Webster R. – London: Arnold, 1996. – 144 p. *New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language.* – Danbury, CT: Lexicon Publications, Inc., 1993. – 1137 p. *Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary.* Oxford University Press, 1995. – 1081 p.

ДЕРДІ Е.Т., САХРО А.С.

(Івано-Франківський національний технічний університет нафти і газу)

СУЧАСНІ ПІДХОДИ ДО ОЦІНЮВАННЯ ЯКОСТІ НАУКОВО-ТЕХНІЧНОГО ПЕРЕКЛАДУ

Стаття присвячена проблемі якості науково-технічного перекладу з точки зору його практичного значення. Особливу увагу зосереджено на системах кількісної оцінки перекладу. Розглянуто та проаналізовано підходи до оцінювання якості перекладу науково-технічної літератури та документації, що є чинними на сучасному етапі.

Ключові слова: науково-технічний переклад, якість, оцінка, підхід.

Дерди Э.Т., Сахро А.С. Современные подходы к оцениванию качества научно-технического перевода. Статья посвящена проблеме качества научно-технического перевода с точки зрения его практического значения. Особое внимание сосредоточено на системах количественной оценки перевода. Рассмотрено и проанализировано подходы к оцениванию качества перевода научно-технической литературы и документации, действующие на современном этапе.

Ключевые слова: научно-технический перевод, качество, оценка, подход.

Derdi E.T., Sakhro A.S. Modern approaches to evaluation of sci-tech translation. This article deals with the quality problem of sci-tech translation concerning its practical value. Special attention is paid to the quantitative systems of translation assessment. Modern approaches to evaluation of sci-tech translation are studied and analyzed.

Key words: sci-tech translation, quality, assessment, approach.

Зважаючи на зростаючу роль міжнародного обміну інформацією, все гостріше постає питання про забезпечення якісної взаємодії як на міжособистісному, так і на міжнаціональному рівні. Саме тому, на проблемі якості перекладу науково-технічної літератури та документації зосереджено увагу нашого дослідження. Власне проблема полягає у тому, що за сучасних умов відсутні чіткі вимоги до перекладача науково-технічної літератури і документації.

Крім цього, немає єдиної системи оцінки якості перекладу у нашій країні, яка б здійснювалася спеціальним уповноваженим органом і чіткої та чинної на всій території країни нормативної бази, яка б регламентувала процес надання якісного науково-технічного перекладу.

На сьогоднішній час гостро стоїть проблема якості перекладу, як серед теоретиків, практиків перекладу, так і споживачів перекладу, зокрема. Науково-технічний переклад набуває все більшого значення, причиною чого є збільшення річних обсягів інформації, якою обмінюється суспільство, розширення контактів на міжнародному рівні та багато інших факторів, в основі яких лежить поняття міжнародного обміну досвідом. Саме через невпинне зростання ролі перекладу та його тісний зв'язок з фінансовими питаннями проблема якості набуває все більшої актуальності.

У наш час до проблеми якості перекладу зверталися такі вчені в галузі перекладу та перекладознавства як Білозерська Л.П., Бузаджи Д.М., Ковальова К.І., Пушнов І.А., Durieux С. та інші. Їхні роботи присвячені останнім тенденціям, пов'язаних з питанням якості науково-технічного перекладу та дослідженню різноманітних підходів до тлумачення власне якості та систем його оцінки як на національному, так і на міжнародному рівні.